

RU

Проблема итеративности и цикличности исторического процесса: социально-философский анализ

Повилайтис А. В.

Аннотация. Цель исследования - раскрыть роль цикличности и итеративности в историческом развитии. В статье анализируются социально-философский и историко-философский аспекты проблемы, современные подходы. Рассматриваются проблема итеративности как системы воззрений и методологических подходов, их примеры в контексте выстраивания интерпретативных схем мировой истории. Научная новизна исследования заключается в разграничении понятий итеративности и цикличности и в использовании данной условной дихотомии как альтернативы одностороннему понятию классического «исторического циклизма». В результате показано, что итеративность является внутренним и важнейшим свойством циклизма исторического развития и существует необходимость дальнейшей разработки данной темы ввиду её перспективности.

EN

Problem of Iterativity and Cyclicity of Historical Process: Socio-Philosophical Analysis

Povilaitis A. V.

Abstract. The paper reveals the role of cyclicity and iterativity in historical process. Socio-philosophical and historical-philosophical aspects of the problem are analysed, modern approaches are examined. The author considers iterativity as a system of views and methodological approaches, provides examples of historic recurrence in the context of modelling the global historical process. Scientific originality of the study lies in the fact that the researcher differentiates the notions “iterativity” and “cyclicity” and proposes this conditional dichotomy as an alternative to the traditional schematic conception “historical cyclicity”. The research findings are as follows: the author proves that iterativity is an inherent and essential feature of historical cyclicity and outlines prospects for further studies in this area.

Такие известные фразы, как «история любит повторяться», «новое – это хорошо забытое старое», являются не только поговорками, но и носителями научного, философского смысла. Целесообразно вспомнить и цитату В. И. Ленина: «Если мы хотели повернуть историю, а, оказывается, повернулись мы, а история не повернулась, – казните нас» [8, с. 118]. По нашему мнению, именно учет фактора итеративности, разрабатываемого в современной социологической и социально-философской мысли, может способствовать новому пониманию проблемы циклизма, что и обуславливает **актуальность** нашего исследования.

Актуальность темы исследования доказала сама историческая практика: человечество всегда интересовалось тем, что его может ожидать в будущем, отсюда существующий интерес к разного рода предсказаниям и футурологическим изысканиям. Но одно дело – мистика и занимательная публицистика, а другое – научно обоснованные теории и факты. Для достижения указанной цели предполагается решение следующих **задач**:

1. Проанализировать историографию и методологические основы заявленной проблемы.
2. Определить спектр проблематики цикличности и итеративности в социальной философии.

Методология исследования включает в себя: методы визуализации теоретических знаний и графическо-го моделирования, метод теоретико-игрового моделирования, историко-сравнительный метод, а также метод социально-философского анализа.

Теоретической базой являются труды классиков философской, социально-философской и исторической мысли. Невозможно пройти мимо ярких представителей циклического подхода к анализу социально-исторических и культурных феноменов (Ф. Ницше [14], О. Шпенглер [25], А. Тойнби [21]). Элементы

циклических систем без труда можно найти у Г. Гегеля [2], К. Маркса, Ф. Энгельса [13]. Среди современных исследователей можно упомянуть Т. С. Кондратьеву [7], Т. В. Панфилову [15], М. В. Сапронова [18], в трудах которых рассматривается их отношение к проблемам циклизма и итеративности. На общем фоне выделяется работа П. А. Сорокина «Обзор циклических концепций социально-исторического процесса» [20, с. 61-80], подробный анализ которой изложен в статье В. А. Лимонова [9, с. 58-64]. Нельзя не отметить ряд диссертационных работ таких авторов, как Ю. Н. Соколов [19], А. В. Улыбин [22], С. А. Саперкин [17], А. В. Макулин [12] и др.

Понятийный аппарат «циклических» подходов богат визуальными метафорами и схемами, и важно то, что понятие «цикл» (от греч. κύκλος – круг), этимологически указывающее на круг, ошибочно ассоциировать только с круговоротом. В качестве дополнительных и расширяющих смысл понятия «цикл» в современном социально-философском дискурсе выступают такие методологические категории, как итерация, волна, фаза, период, фрактал.

Практическая значимость исследования заключается в определении возможностей междисциплинарного пересечения «циклических представлений» и выявлении оригинальных точек зрения и методов не только для социально-философской прогностики, но и для других областей социального и гуманитарного знания.

Понятие «итеративность» в философию, как принято считать в научной среде, ввёл Жак Деррида, причём в качестве закономерности. В своём труде “Limited Inc” он даёт его расшифровку: “...that interest me when I write of iterability and of all that is tied to this quasi concept in a discourse and in other texts...” [27, p. 10] (т.е. итеративность есть квазитрансцендентальный концепт). Следует пояснить, что Ж. Деррида использует данное понятие в своей антисистемной модели мышления, в рамках методологии деконструкции, которую мы в целом не разделяем. Поэтому, избегая многовекторных постмодернистских трактовок, отметим, что «итеративность» – это повторяемость вообще как процесс, как закономерность.

Но следует отдать должное Ж. Деррида. Благодаря его исследованиям в философии стало возможным отделять понятие «итеративность» от понятия «циклическость». Первое, сущность которого ранее представлялась частью последнего, приобрело некую автономность. И прежде чем вновь подчеркнуть принципиальную нетождественность понятий «циклическость» и «итеративность» в философии истории и отметить, какую роль это играет в данном исследовании, следует обратиться к корням указанной в теме проблематики.

Корни «циклической» тематики уходят в глубокую древность, а вершина упирается в современность и прорастает в будущее. И это более чем очевидно, поскольку одной из ключевых категорий является «время».

Повторяемость элементов истории была замечена ещё в древнем мире. На основании этого появилась концепция кругового времени. Многие философы Античности и Древнего Востока пытались увидеть и распространить действие целого ряда законов природы (например, смена времён года) на общество. Античные мыслители выдвинули мысль о цикличности как закономерности общественного развития, иными словами – о круговороте форм организации социальной жизни. Общество проходит определённый цикл превращений, а после его завершения круг начинается заново. Так было, к примеру, в концепциях Платона и Аристотеля в отношении смены формы власти. В платоновской интерпретации правильные и неправильные формы сменяют друг друга в «порочном круговороте» до тех пор, пока к власти в идеальном государстве не придут философы. В качестве примеров можно отметить образ Уробороса, римское «колесо Фортуны», постоянно вращающее судьбы людей. В этот же исторический период появилась теория предопределения. Её правильнее будет называть именно так, без иных прилагательных, так как она, имея общую единую суть, имела разное толкование.

В Древней Индии она проявлялась в законах сансары и кармы, в Античности – в учениях о «космическом законе и фатуме» (например, в философии стоицизма), а в Средневековье это называлось теорией «Божественного предопределения». Но в средневековом периоде проблема цикличности и повторяемости (два этих понятия тогда не разделяли) имеет двойственную интерпретацию, а иногда даже взаимоисключаемую. С одной стороны, циклическость как исторический закон отрицается. Поскольку всё зависит от воли и попущения Бога. Кроме того, в христианской цивилизации появилась концепция «линейного времени», идеи которой как будто бы противостоят концепции «кругового времени». Но с другой стороны, циклическость ярко прослеживается в культурной стороне жизни средневекового общества, элементы которого дошли и до наших дней. Это обряды, ритуалы, праздники. И, согласно христианскому учению, его адепты должны были регулярно повторять земной путь Христа (на основании которого и выстроен празднично-обрядовый церковный цикл). Однако, несмотря на вышеперечисленные аспекты, никакого логического противоречия здесь нет, если допустить, что итеративность может существовать независимо от циклическости. Уже на одних этих основаниях можно сделать вывод, что проблема циклическости и итеративности имеет более сложную и глубокую природу, нежели это кажется на первый взгляд.

Последовавшая за Средневековьем эпоха Возрождения тоже сама по себе представляет интерес. Ведь само её название («возрождение» античности) рассматривается как один из вариантов повторения движения по некоей культурно-исторической колее. И разумеется, что повторение понимается не во всей полноте, а лишь в определённых аспектах человеческой жизни (например, в искусстве). Снова стали актуальными учения некоторых философов древности: Эпикура, Конфуция и др.

В эпоху Нового времени, когда наука стала приобретать статус самостоятельного социального института, появились первые серьёзные попытки создать теории, альтернативные провиденциализму. Именно в Новое время возникают и теория общественного договора, и философия истории. Особенно интересной представляется

концепция Г. Гегеля, который заложил основу в дальнейшие исследования глубинных законов истории. Немецкий философ представил интерпретацию истории как субстанции: «...по определению, субстанция есть нечто самодостаточное, то есть не нуждающееся для своего существования ни в чем ином, ничем не обусловленное и ни с чем не взаимодействующее, само себя определяющее, а также самотождественное, неизменное» [2, с. 9]. Философская система Гегеля, в сущности, имеет линейный характер. Божественный провиденциализм был подменён волей великих исторических личностей, от действий которых зависел ход истории. Но даже несмотря на это, данный представитель немецкой классической философии не мог уйти от циклизма и повторяемости. Лучшее тому доказательство – это его философский метод – диалектика, которая, в отличие от системы, является бесконечной. И, соответственно, формула «Тезис – антитезис – синтез» имеет бесконечное продолжение. То же самое можно сказать и о К. Марксе, который предложил свою методологию в истории. В его формационном подходе, в сущности, присутствуют и линейно-поступательный прогресс, и цикличность, что неудивительно. Ведь диалектику К. Маркс унаследовал от Гегеля, хотя и перенёс её на «материалистический каркас». Поэтому вполне понятны позиции философов В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзона, пишущих в рамках марксистской парадигмы: «...люди, не осознавая этого, одновременно производят и воспроизводят общественные отношения как социальную форму их материального жизненного процесса». Это «...послужило своеобразным теоретическим мостиком для перехода от деятельности людей (люди делают историю) к интерпретации исторического процесса как объективного материального, закономерного» [6, с. 63–64]. Иными словами, история может повторяться (воспроизводиться), но на другом, новом уровне.

Со второй трети XIX века неклассическая философия условно разбилась на два больших направления: сциентистов и антисциентистов. Сциентисты (главным образом позитивисты и их наследники) разделяли идеи линейно-поступательного прогресса («закон трёх стадий» О. Конта, теория индустриального общества). В сущности, подавляющее большинство сторонников данных школ скептически относятся к циклическим концепциям в истории и склоняются к тому, что общество уже пришло или должно прийти к некоей идеальной стадии развития: «царству науки», рационализма, прогресса и т.п. И идеи повторяемости истории, цикличности кажутся несущественными, так как история должна стать рукотворным делом интеллектуальной части человечества, которая с помощью науки и техники может планировать, корректировать её дальнейший ход. А соответственно, итеративность и цикличность будут носить управляемый и рукотворный характер. Одним из сторонников идеи рационально управляемого мира был знаменитый русский учёный В. И. Вернадский [1]. А его теория ноосферы говорит сама за себя и не нуждается в особых комментариях. Особенно в рамках данного направления следует отметить так называемых сторонников идеи глобализма. Идея однополярного мира и наличие единой сверхдержавы, по сути дела, и предполагают тот самый конец истории, о котором писал Ф. Фукуяма: «Иначе говоря, это финальная точка идеологической эволюции человечества и универсализация либеральной демократии Запада как окончательной формы правительства в человеческом обществе» [23, с. 85]. Но подобный подход означает и конец итеративности и цикличности. В сущности, глобалисты не создавали никакой принципиально новой теории. Задолго до этого ещё Гегель говорил, что Восток – это колыбель истории, а Запад – финал.

Что касается школ антисциентизма, то они были в большинстве своём сторонниками циклизма в историческом развитии. В частности, известно множество цивилизационных моделей цикла, разработанных Н. Я. Данилевским [5], А. Тойнби [21], О. Шпенглером [25]. Полное представление и анализ каждой из моделей невозможно дать в рамках данной статьи, но это может быть объектом отдельного исследования.

Среди авторов XX в. хочется отдельно упомянуть А. Л. Чижевского [24] и К. Поппера [16]. Первый в своих трудах предположил, что циклы заложены самой природой. И сделал смелый вывод об их влиянии (циклов солнечной активности) на общественную жизнь. Идеи А. Л. Чижевского ещё недостаточно оценены и исследованы исторической наукой. Что касается К. Поппера, то он полностью отвергает историцизм и какие-либо законы истории, считая их выдумкой марксистов и гегельянцев. Это хоть и радикальная, но по-своему оригинальная теория, которую пока никто на официальном научном уровне полностью не опроверг.

Говоря о современных исследованиях данной темы, можно заметить плюрализм идей. С одной стороны, есть концепция Т. В. Панфиловой [15], критикующая наличие исторических закономерностей в истории: «Что касается “истории вообще”, то в отдельных ее фрагментах, не связанных между собой воедино необходимыми связями, можно выявить лишь сходные моменты, проявления одинаковости, но не общности, понятой как внутреннее единство. Отсюда получается, что если для «истории вообще» и характерны какие-то закономерности, то только фиксирующие частоту, распространенность и в этом смысле повторяемость некоего явления, а вовсе не существенные связи, обеспечивающие переход от одного исторического этапа к другому» [Там же, с. 106]. Здесь интересно то, что Т. В. Панфилова говорит о законе повторяемости (итеративности), но выводит за скобки цикличность. С другой стороны, существуют концепции С. А. Сапёркина и Т. С. Кондратьевой. Первый в своём исследовании доказал наличие циклов в державной динамике России [17]. Вторая в своей работе «Большевики-якобинцы и призрак Термидора», которая стала основой для докторской диссертации, приводит исторические параллели между двумя разными событиями в истории, которые произошли в разные века (меньшевики – жирондисты, большевики – якобинцы, Сталин – Наполеон и т.п.) [7]. И этим самым заявляется и историческая закономерность, и повторяемость истории (реализации итеративности). И наконец, с третьей стороны стоят сторонники новых подходов, в частности синергетического, которые

критикуют все предыдущие концепции. И здесь уместнее всего привести цитату исследователя: «Историографический анализ развития представлений о цикличности исторического процесса, который показывает недостаточную разработку указанной проблематики как в науке в целом, так и в историческом познании в частности. Несмотря на то, что циклический паттерн является одним из самых древних образцов интерпретации истории, дальше философских и историософских размышлений на данную тему предшествующая мысль не шла» [18, с. 18]. Как доказала практика, данный критический тезис продолжает оставаться актуальным, а сам автор (М. В. Сапронов) предлагает синергетическую модель исторической цикличности. Но в синергетическом подходе источником развития являются случайность и неустойчивость, что, в свою очередь, ограничивает получение точных результатов и допускает случайные отклонения при формировании новых самообразующихся систем, процессов. Синергетическую модель надо использовать очень осторожно, особенно в гуманитарных науках.

Существующие подходы дают основание считать, что у исследователей до сих пор нет согласованного подхода в решении проблемы исторических закономерностей, более того, сохраняют актуальность и не опровергнуты радикальные и взаимоисключающие точки зрения. Но вместе с тем при отрицании исторического циклизма не ставится под сомнение проблема итеративности. И здесь сразу же возникает следующий философский вопрос: итеративность – это некий элемент, который сопровождает или фиксируется в некоторых системах, причём его природа может быть скорее случайной, чем закономерной характер, или же всё-таки итеративность может выражать и саму систему, являясь её атрибутом? Или же можно утверждать наличие третьего, компромиссного варианта, который может комбинировать первый и второй, как это уже не раз можно было наблюдать в истории философии? Например, в споре об универсалиях между реалистами и номиналистами есть компромиссная позиция концептуализма. В споре о круговом или линейном характере времени предложена спиралевидная концепция и т.д.

На данном этапе исследований проблемы итеративности оптимальнее всего исходить из принципа «научной сдержанности» и, соответственно, из третьего варианта ответа на поставленный выше вопрос. Обращаясь к исторической практике как к одному из критериев истины, можно смело утверждать, что даже два абсолютно разных и признанных подхода – историко-стадиальный и цивилизационный – признаются как так называемые «повторяющиеся системы» в разных странах мира. Однако вместе с тем следует признать, что не каждая система обладает или реализует повторяемость (итеративность). Например, каждый человек (как целостная система) признаётся уникальным (т.е. неповторимым). Но, призывая к научной сдержанности, сам автор тяготеет и стремится обосновать итеративность как важнейший аспект исторических закономерностей, подчёркивая и обосновывая в своих исследованиях наличие последних. И особенно важно здесь увидеть не сам данный факт закономерности как таковой, а извлекать из этого важнейшие политические, экономические, культурные уроки. Например, негативный опыт попытки реализации идеи «великих завоеваний» или «мирового господства». Несмотря на достигнутые успехи, все территориальные достижения великих завоевателей оказывались нежизнеспособными. После достаточно короткого исторического промежутка они распались, зачастую сопровождались гражданскими войнами и прочими деструктивными последствиями. Здесь и «империи» Александра Македонского, Гая Юлия Цезаря, Карла Великого, Чингисхана, Тамерлана, Наполеона Бонапарта, Адольфа Гитлера... и это отнюдь не полный список. Итеративность в данном случае проявляется и в скором распаде всех империй, образованных в результате «великих походов», и в исторической судьбе великих завоевателей.

Другим примером итеративности может послужить в социальной философии теория игр [11]. Один из исследователей данной концепции Роберт Аксельрод на основе анализа теоретико-игровой модели, известной как «дилемма заключенного», пришел к выводу, что результаты, которые выводятся из модели в результате ее однократного использования, кардинально меняются, если модель сделать итеративной, т.е. проводить игру много раз и давать сторонам в условиях выбора двух стратегий «предавать – сотрудничать» делать большое количество ходов. Р. Аксельрод выяснил, что врожденная эгоистическая стратегия субъектов взаимодействия (в бизнесе, политике, дипломатии, личной коммуникации), направленная на максимизацию собственного выигрыша за счет проигрыша другой стороны в условиях перманентного конфликта интересов, меняется на альтруистическую. Стороны, жертвуя своими интересами, начинают сотрудничать, даже несмотря на возможность предательства другой стороны и получения сиюминутной выгоды.

Третий пример итеративности проявляется в визуализации эффектов фрактальных объектов и рекурсии. Э. Григорьян, М. Мунтян, М. Сафонова, ссылаясь на идеи Б. Мандельброта, обратили внимание на категорию «фрактал» [3]. В свою очередь, фрактальное моделирование социальных феноменов и процессов подразумевает, что в природе социального применимы некоторые фракталы, т.е. такие визуальные множества, которые обладают свойствами самоподобия, т.е. объект совпадает с частью себя самого. Последнее иллюстрируется обычно гегелевскими триадами, которые являются треугольниками Серпинского – фракталом, предложенным польским математиком Вацлавом Серпинским в 1915 году (см. Рис. 1-2).

В последнем случае визуальная модель [10], обладающая свойствами фрактальности, определяет сущностные основы философской концепции именно на счет эффектов повторяемости. Наиболее развёрнуто эту идею можно найти в работе А. В. Макулина [12]. Он сравнивает триадическую структуру гегелевской философии с системой треугольников, где концы трех углов образуют тезис – антитезис – синтез.

Рисунок 1. Треугольник Серпинского

Рисунок 2. Гегелевская триада

То, что итеративность является некоей исторической закономерностью, можно утверждать априори. Во-первых, потому, что она аксиоматично реализуется в природе, в её законах. Например, регулярно сменяют друг друга времена года, и в определённый срок ежегодно начинается сезон дождей. Во-вторых, она проявляется в обществе в каждой из её сфер (экономическая, политическая, социальная и духовная). Например, уже упоминаемый быстрый распад империй завоевателей является закономерностью циклического процесса возникновения – роста – пика – упадка. Случайно такие государства никогда не распадаются. В-третьих, циклизм во всём своём многообразии, помимо природных явлений, никто не отменял. А итеративность всегда идёт за любой циклическостью и встраивается в нее за счет числа повторений в рамках конкретного цикла. Специально подчёркивается, что итеративность – именно «некая» историческая закономерность, поскольку степень её влияния и значение определить пока ещё не представляется возможным. Она может выступать как элемент цикла или присутствовать в качестве самостоятельной закономерности, идя параллельно с циклическими процессами. Итеративность в контексте истории всегда начинается с ретроспективного наблюдения (схожесть дат, событий, процессов, социальных структур, форм правления, видов социальной коммуникации, особенностей циркуляции информации, ротации элит, итерации характеров и типов исторических личностей). И чем более высокий и глубокий уровень схожести аспектов сравниваемых объектов исследования и длиннее их цепочка, тем больше вероятности того, что здесь может проследиться наличие системы, а следовательно, и закономерностей, в том числе и в форме исторических параллелей. На это уже в своё время обратил внимание учёный Л. Н. Гумилёв и выдвинул знаменитую теорию пассионарности [4]. Несмотря на то, что его идеи являются дискуссионными и не разделяются многими учёными, некоторые его суждения о пассионариях, особенно в совокупности с идеями Ф. Ницше [14] о «сверхчеловеке» и с концепцией «осевого времени» К. Ясперса [26], могут представлять серьёзный интерес для исследователей.

Выводы:

1. Историографический анализ проблемы приводит к выводу, что повторяемость (итеративность) выступает в роли закономерности, что принципиально не отрицается исследователями даже в концепциях индетерминизма. Но степень значимости предмета исследования пока ещё оценивается неоднозначно: от ничтожно малой до системно определяющей. Исследователи расходились во мнениях относительно существования «глубинных законов истории» и «ломали свои копья», доказывая или напрочь опровергая «теорию циклизма» в истории, но поскольку итеративность нами отделена от циклизма, то она не попадала под удар критиков. Более того, категория «итеративность» имеет шанс стать альтернативой категории «циклическость» в области гуманитарного знания как компромиссный вариант. Анализ методологической основы заявленной проблемы выявил необходимость отхода от исторического циклизма ввиду его серьёзной уязвимости

для современной научной критики. В качестве альтернативы цикличности целесообразным является либо перевод циклических концепций на «рельсы синергетики», как предлагает сделать упомянутый С. А. Сапёркин [17], либо рассмотрение исторических процессов сквозь призму итеративности и исторических параллелей, где циклизм хотя и сохраняет свою роль, но уже в качестве гипотезы (в дальнейшем предполагается либо его переосмыслить, либо ввести в оборот новое понятие в качестве альтернативы), как это предлагаем мы в своём исследовании.

2. Данная тема ввиду своей новизны пока ещё не разработана на достаточном уровне, но эффективные решения её проблем имеют большие перспективы как на личностном уровне, так и на глобальном. Открытым является вопрос: является ли итеративность самостоятельным процессом или лишь его элементом? Но только дальнейшие и более фундаментальные исследования, разработки в этой области способны дать объективную и серьёзную оценку данному явлению. Полемика для дальнейших разработок, в частности, является проблема естественного или искусственного характера процесса итеративности, исторических параллелей (например, как это сделала на научном уровне упоминаемая Т. С. Кондратьева [7]). Также есть перспектива развивать идею роли личности в истории в аспекте итеративности, используя наработки уже упоминаемого Л. Н. Гумилёва [4]. К примеру, есть как минимум четыре «ключевые исторические фигуры (или, как по Л. Н. Гумилёву, «пассионарии»): киевский князь Владимир I Святославович, царь Иван IV Грозный, император Пётр I и генсек Иосиф Сталин. В результате их деятельности происходили «исторические крутые повороты» страны. И всё же следует предостеречь исследователей об опасности того, что авторские труды на подобную тему имеют достаточную степень риска превратиться в спекулятивные, если объекты будут вольно интерпретироваться, «притягиваться друг к другу за уши», поэтому сравнительно-исторический и философский анализ должен осуществляться по однозначным и чётким критериям и быть в максимальной степени объективным.

Список источников

1. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2012. 576 с.
2. Гегель Г. Лекции по философии истории: в 3-х кн. / пер. с нем. СПб.: Наука, 1993. Кн. 1. 350 с.
3. Глобализация и моделирование социальной динамики: сб. ст. М.: Ин-т соц. наук, 2001. 143 с.
4. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: АСТ, 2005. 556 с.
5. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М.: Институт русской цивилизации; Благословение, 2011. 816 с.
6. Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Теория и история: проблемы теории исторического процесса. М.: Политиздат, 1981. 290 с.
7. Кондратьева Т. С. Большевики-якобинцы и призрак Термидора. М.: Ипол, 1993. 240 с.
8. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55-ти т. М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 36. 732 с.
9. Лимонов В. А. Цикличность исторического процесса в социологии и философии XX века // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 3. С. 58-64.
10. Макулин А. В. Визиософия: монография: в 2-х ч. Архангельск: Изд-во Северного гос. мед. ун-та, 2017. Ч. I. Око Линкея и щит Персея. 480 с.
11. Макулин А. В. Моделирование взаимодействия в «дилемме заключенного» и источники социального сотрудничества // Постмодерновые реалии России / под ред. Ю. М. Осипова, М. М. Гузева, Е. С. Зотовой. М. - Волгоград: Волгоград. науч. изд-во, 2007. С. 429-431.
12. Макулин А. В. Социальная визиософия: инфографика, визуализация и графический язык социально-философского познания: дисс. ... д. филос. н. Архангельск, 2019. 661 с.
13. Маркс К., Энгельс Ф. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений: в 50-ти т. Изд-е 2-е. М.: Политиздат, 1959. Т. 13. С. 1-167.
14. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М.: АСТ, 2014. 320 с.
15. Панфилова Т. В. Проблема исторической закономерности // Философия и общество. 2002. № 6. С. 103-115.
16. Поппер К. Ницше историзма // Вопросы философии. 1992. № 10. С. 29-58.
17. Сапёркин С. А. Циклы в державной динамике России: дисс. ... к. филос. н. Набережные Челны, 2015. 144 с.
18. Сапронов М. В. Цикличность исторического процесса: историография, теория, методология: автореф. дисс. ... к. ист. н. Челябинск, 2003. 26 с.
19. Соколов Ю. Н. Циклы социальных систем: проблемы методологии: дисс. ... д. филос. н. Ставрополь, 1996. 237 с.
20. Сорокин П. А. Циклические концепции социально-исторического процесса // Россия и современный мир. 1989. № 4 (21). С. 61-80.
21. Тойнби А. Постигание истории: сборник / пер. с англ. Е. Д. Жаркова. М.: Рольф, 2001. 640 с.
22. Улыбин А. В. Циклы в социальных процессах: дисс. ... к. филос. н. Ставрополь, 2002. 131 с.
23. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 84-118.
24. Чижевский А. Л. Земное эхо солнечных бурь. М.: Мысль, 1976. 367 с.
25. Шпенглер О. Закат Европы. М.: Наука, 1993. 592 с.
26. Ясперс К. Смысл и назначение истории / пер. с нем. М.: Политиздат, 1991. 527 с.
27. Derrida J. Limited Inc / transl. by S. Weber. Baltimore: John Hopkins University Press, 1977. 160 p.

Информация об авторах | Author information**RU****Повилайтис Андрей Владимирович¹**¹ Северный государственный медицинский университет, г. Архангельск**EN****Povilaitis Andrey Vladimirovich¹**¹ Northern State Medical University, Arkhangelsk¹ andris3@mail.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 28.09.2020; опубликовано (published): 30.11.2020.

Ключевые слова (keywords): итеративность; циклы; фрактал; модель; повторение; iterativity; cycles; fractal; model; recurrence.